

БЫЛ ЛИ НАЙДЕН ЛУЧШИЙ ПУТЬ? ОБЗОР КНИГИ УОЛТЕРА БРЮГГЕМАНА «ВВЕДЕНИЕ В ВЕТХИЙ ЗАВЕТ: КАНОН И ХРИСТИАНСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ»

Евгений Егоров

Исследователи Ветхого Завета обычно разделяются на тех, кто поддерживает высшую критику и тех, кто соглашается только с низшей критикой¹. Но в последнее время появляется все больше работ, в которых представлена попытка «найти золотую середину», «избежать крайностей», «пойти лучшим путем». Один из современных авторов, предпринявших такую попытку – Уолтер Брюггеман (род. 1933 г. в городе Тилден, штат Небраска). Он является профессором Ветхого Завета Колумбийской богословской семинарии, штат Джорджия. Также он совершает служение в Объединенной церкви Христа (United Church of Christ)². Брюггеман известен благодаря своим комментариям на следующие ветхозаветные книги: Бытие, Исход, Второзаконие, 1 и 2 Самуила, Исайя и Иеремия. Среди наиболее влиятельных работ нужно упомянуть: «Послание Книги псалмов» и «Пророческое воображение». Некоторые из его трудов уже переведены на русский язык³.

Особого внимания заслуживает книга «Введение в Ветхий Завет»⁴, так как именно в ней Брюггеман пытается «пойти лучшим путем», то есть, совместить теории высшей критики и традиционную веру церкви. Действительно ли у автора получилось предоставить ветхозаветным исследователям образец правильного подхода к Священному Писанию? Цель данного анализа – показать положительные стороны этой книги, а также отметить некоторые серьезные проблемы, о которых должен знать читатель.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ И ВОЗМОЖНАЯ ПОЛЬЗА ДАННОЙ КНИГИ

Учитывая недостаток ветхозаветных исследований на русском языке, «Введение» Брюггемана должно внести серьезный вклад в развитие этой сферы. Прежде всего нужно отметить, что читатель «Введения» сможет познакомиться с большим объемом информации относительно вопросов авторства, датировки, целей и целостности отдельных книг Ветхого Завета, а также найдет полезную информацию об истории, каноне и богословии Библии.

Кроме информации, которая относится непосредственно к дисциплине введения в Ветхий Завет, читателю могут быть полезны богословские и этические замечания автора, которые он делает в конце каждой главы. Брюггеман часто говорит о святости,

¹ Низшая критика имеет дело с вопросами передачи текста. Высшая критика – это попытка рационального и объективного исследования вопросов происхождения текста, авторства и целостности книг Священного Писания. См.: *Zondervan Pictorial Encyclopedia of the Bible*: в 5 т. / Под ред. Tenney M. Grand Rapids, Michigan: Zondervan Publishing House, 1976. Т. 1. С. 590.

² *About Walter Bruggemann*. URL: <http://www.walterbrueggemann.com/about/about-walter-brueggemann/> (дата обращения 05.01.14).

³ На русский язык переведены следующие работы: *Введение в Ветхий Завет: Канон и христианское воображение*. М.: ББИ, 2008; *Великие молитвы Ветхого Завета*. М.: Эксмо, 2009; *Пророческое воображение*. Черкассы: Коллоквиум, 2012; *Бытие*. Черкассы: Коллоквиум, 2013.

⁴ Брюггеман У. *Введение в Ветхий Завет: Канон и христианское воображение*. М.: ББИ, 2009. Далее – «Введение».

суверенности, любви и милости Господа⁵. Так что книгу «Введение» нельзя назвать чисто технической и скучной. Наличие богословских и практических выводов делает ее живой, легко воспринимаемой и актуальной для читателя.

Среди положительных сторон книги можно отметить желание Брюггемана сохранять приверженность вере церкви. Также для читателя будет познавательно познакомиться с различными подходами и теориями относительно Ветхого Завета, которые развивались в истории церкви. Хотя в этой книге автор предлагает собственное прочтение библейского текста, в то же время он приводит множество цитат из работ других исследователей. Это не значит что все эти теории и взгляды правильны, однако для развития и понимания такой дисциплины как введение в Ветхий Завет их знание необходимо.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ И ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ ДАННОЙ КНИГИ

Первая и основная проблема этой книги связана с тем, как автор понимает богодухновенность Библии. Скорее всего, именно с этим вопросом связаны все остальные проблемы. Вот как сам Брюггеман определяет богодухновенность: «...библейский текст, вдохновлен, как вдохновлено любое гениальное или талантливое произведение искусства» (13). Дав такое определение, в котором явно отсутствует божественный аспект вдохновения, автор пытается показать, что Бог все-таки некоторым образом участвовал в процессе написания Библии. Но и здесь он говорит лишь о присутствии Бога в Библии или о том, что Библия открывает волю Бога (13).

Очевидно, что автор осознанно избегает представления о том, что все слова Библии в равной степени вдохновлены Богом. Примечательно его следующее утверждение: «Один из примеров – библейское учение о рабстве. Когда-то его считали богодухновенным, а сейчас видно, что это всего лишь идеология» (14). То есть, для Брюггемана в Библии есть очень большой аспект того, что не вдохновлено Богом, но является лишь продуктом человеческой мысли.

Слабое представление о богодухновенности заметно даже в том, что он сравнивает богодухновенность Библии с богодухновенностью ее современных комментаторов (14). Как будет показано далее, такой взгляд на Библию приводит к серьезным проблемам и открывает дверь для различных заблуждений. Знаменитый исследователь Ветхого Завета Роланд Харрисон верно замечает, что «...рационалистические атаки на литературную и историческую составляющую Библии напрямую связаны с отвержением классической концепции богодухновенности»⁶.

Правильное понимание богодухновенности Библии является краеугольным камнем и актуальнейшей темой для христианского богословия, потому что с ним непосредственно связаны многие другие вопросы, такие как достоверность, безошибочность и абсолютный авторитет Священного Писания. Консервативная евангельская библеистика утверждает, что качество богодухновенности

⁵ Например, обсуждая Пятикнижие, он пишет: «В книге Левит речь идет о древней, но до сих пор актуальной для Израиля идее „инаковости“ Господа. Эта идея коренится в глубоком ощущении характера Бога, который внушает как веру, так и благоговейный страх» (89). Разбирая пророческие тексты, он делает такое замечание: «Исайя старался объяснить, что общественная жизнь в Иерусалиме невозможна без Господа, остающегося главным властелином истории, вопреки имперским устремлениям ассирийцев» (200).

⁶ Harrison R. K. *Introduction to the Old Testament*. Grand Rapids: Eerdmans, 1969; репр., Peabody, Massachusetts: Hendrickson, 1999. С. 468.

распространяется на все слова Писания в равной степени, то есть, что Библия вдохновлена Святым Духом полностью и дословно⁷. Такое понимание основывается на свидетельстве Самого Писания.

Основной текст, который является *locus classicus* в этом вопросе, – это 2 Тимофею 3:16. Апостол Павел утверждает здесь, что все писания Ветхого Завета «выдохнуты Богом». Сходное указание на то, что все ветхозаветные тексты являются словами Бога, можно найти в 2 Петра 1:21. Петр говорит, что ни одно из истинных пророчеств Ветхого Завета не произносилось по воле человеческой, но было направляемо Святым Духом. Исходя из этого, Харрисон делает следующий вывод: «Хотя некоторые авторы пытаются говорить о разной степени вдохновения, сама Библия никогда не делает различия между теми частями, которые вдохновлены и, следовательно, авторитетны, и теми разделами Писания, которые не обладают богодухновенностью и авторитетом»⁸. Книга Брюггемана в этом вопросе обнаруживает его либеральные предпосылки и должна вызывать опасения у тех, кто серьезно относится к Слову Божьему.

Вторая проблема, связана с представлением автора об историчности книг Ветхого Завета. Именно здесь представления Брюггемана о Библии проявляются больше всего. Он считает, что весь Ветхий Завет не является подлинной историей. Эта мысль прослеживается через всю книгу. В начале книги автор описывает так называемую «проблему историчности» следующим образом:

Еще каких-нибудь два поколения назад большинство ученых полагали, что библейский рассказ в целом верно воспроизводит последовательность событий. Однако в последние десятилетия возникли новые методы анализа, новые подходы и новые вопросы, убедившие многих библеистов, что ветхозаветный рассказ слишком сильно уклоняется от «того, что было на самом деле». Более того, «что было на самом деле», далеко не ясно (4).

Может возникнуть вопрос: действительно ли Брюггеман соглашается с таким подходом к библейской истории или же он только приводит мнение других исследователей? Но сам автор убеждает читателя: «Грубо говоря, библейский рассказ выглядит во многом вымышленным» (4). Основная идея «Введения» в том, что историчность неважна, потому что представление об истории древних людей отличалось от нашего представления. Библия – «это не история в нашем смысле слова» (5). Например, относительно книги Исход автор пишет: «Для наших целей не столь уж важно, исторично ли библейское повествование о плене или это лишь идеологическая самохарактеристика» (27). То же самое относится почти ко всему ветхозаветному повествованию⁹. Брюггеман легко уходит от спора об эволюции и сотворении, говоря, что первые главы Бытия вовсе не учат о происхождении мира (44). Авраама, Иосифа, Моисея, Давида, Исаяи, Ионы и многих других ветхозаветных персонажей, вполне возможно, вовсе не существовало на самом деле.

Завершая книгу, автор ясно утверждает: «Ни к одному из библейских текстов нельзя относиться как к отчету или описанию. Это всегда комментарий, нарочито подчеркивающий определённые детали, накладывающий воображаемое на „реальное“»

⁷ Учение о полной вербальной богодухновенности не следует путать с теорией «механического диктанта».

⁸ Там же. С. 468.

⁹ См. так же: стр. 53, 64, 71, 92, 116, 130, 139, 150, 163, 185, 295, 338, 353, 358, 376, 515. Здесь указаны только некоторые ссылки, однако этого достаточно, чтобы убедиться, что Брюггеман отвергает историчность почти всего, что описано в Ветхом Завете.

(515). Таким образом, библейские тексты являются продуктом не событий, а творческой интерпретации (5). Самое главное в Библии – не история, а идеология.

Здесь нужно обратиться к понятию Брюггемана о «религиозном воображении», которое, по его собственным словам, имеет наибольшую важность для этой работы (viii). Для Брюггемана библейский текст является продуктом не событий, а творческой интерпретации. Это значит, что автор или авторы находились в свободном творческом процессе и не были обеспокоены точной передачей исторической информации. Поэтому главная задача библейского текста – передать некую идеологическую информацию, которая вовсе не обязательно основана на реальных событиях прошлого.

Что в таком подходе представляется неверным и опасным? Во-первых, возникает вопрос о надежности Библии. Если считать, что историческая информация не вполне соответствует реальности и не основана на событиях прошлого, как кто-либо может вообще доверять Библии в целом? Если история является лишь чьим-то воображением, как отделить истину от вымысла? Например, если предположить, что такого события, как исход Израиля из Египта, возможно, не было, как тогда относиться к закону Божьему, который был дан в то время? То есть, отвержение историчности Библии приведет к отвержению ее доктринального и нравственного учения¹⁰.

Во-вторых, следует задуматься о том, как Иисус и новозаветные авторы воспринимали историю Ветхого Завета. Очевидно, что Новый Завет преподносит историю об Адаме, Ное, Аврааме, Моисее и Давиде как вполне реальные события, а не просто как человеческий вымысел. Таким образом, сомнения в историчности ветхозаветных персонажей, ведут к многочисленным вопросам об истинности Нового Завета.

Наконец, Брюггеман ошибается в том, что ветхозаветные книги не были задуманы как исторические. Стивен Бойд в своей статье, посвященной жанру книге Бытие, приводит 15 доказательств того, что авторы библейских повествований считали описываемые ими события реальными. Вот только некоторые признаки историчности текста, упоминаемые Бойдом:

- 1) Разъясняются обычаи, 2) прослеживаются происхождение древних названий и тогдашних выражений, 3) отмечаются конкретные причины возникновений памятников и названий, а также конкретные периоды истории, 4) повсюду в тексте встречаются исторические примечания, 5) ссылки на письменные источники, 6) точные хронологические указания, 7) родословия, 8) указания на пророчества, сделанные в прошлом, 9) соблюдение религиозных дней и празднований называет актом воспоминания¹¹.

Таким образом, сам текст показывает нам, что был задуман как историческое повествование, а не как миф, сага, новелла или сказка.

Следующая серьезная проблема «Введения» – это отношение Брюггемана к авторству и редакции книг Ветхого Завета. Он отвергает Моисеево авторство Пятикнижия, считая, что в древние времена было другое представление об авторстве (21). То есть, Моисей - не автор, а только некий штамп качества. Хотя, как мы отмечали выше, Брюггеман не уверен, был ли Моисей реальной исторической личностью. Также в книге отвергается авторство Исаи (201). Вместо этого Брюггеман принимает идею о

¹⁰ В качестве примера читатель может обратиться к интервью, в котором Брюггеман поддерживает гомосексуальные отношения: URL: <http://www.youtube.com/watch?v=Zl0hK3ZTVyc> (дата обращения: 05.01.14).

¹¹ *Вникая в книгу Бытия: авторитетность Библии и возраст земли* / Под ред. Мортенсона Т., Юри Т. Симферополь: ДИАЙПИ, 2010. С. 143.

том, что эту книгу написали несколько учеников пророка Исаяи. Примечательно следующее замечание:

Более того, ни один из ученых, занимающихся критическим изучением текста, не считает эту книгу полностью написанной Исаяей. Изначальное происхождение книги действительно связано с личностью Исаяи, но свою окончательную форму она обрела лишь в результате длительной и сложной переработки, вероятно, осуществленной целым рядом учеников Исаяи, старавшихся придерживаться заданного им направления, которые, тем не менее, и сами были серьезными комментаторами, сильно повлиявшими на содержание и форму книги (201).

Именно такого подхода Брюггеман придерживается и далее, говоря о других пророческих книгах и их авторах. Он часто подчеркивает «многочисленные редакции», которые прошла каждая книга Ветхого Завета, перед тем как обрести окончательную каноническую форму¹². Брюггеман признает, что пророческие книги изначально писали реальные пророки, но все-таки идеи и мысли этих пророков подвергались поздней редакции и различным вставкам от никому неизвестных авторов. Эти неизвестные авторы или редакторы, используя воображение, подстраивали текст под нужды современной общины.

На самом деле, серьезных аргументов, поддерживавших такой подход к авторству, не существует. В рамках данной работы мы не можем подробно рассматривать этот вопрос, но чтобы показать ошибочность подхода Брюггемана, приведем некоторые аргументы в пользу Моисеева авторства Пятикнижия. Во-первых, само Пятикнижие свидетельствует об этом. Например: «И сказал Господь Моисею: напиши сие для памяти в книгу» (Исх. 17:14); «Вот станы сынов Израилевых... Моисей, по повелению Господню, описал путешествие их по станам их...» (Чис. 33:1-2).

Во-вторых, другие книги Ветхого Завета приписывают авторство Пятикнижия Моисею. Например: «... Тщательно храни и исполняй весь закон, который завещал тебе Моисей, раб Мой...» (И. Нав. 1:7); «И храни завет Господа Бога твоего, ходя путями Его, и соблюдай уставы... как написано в законе Моисеевом...» (3 Цар. 14:6).

В-третьих, Иисус и апостолы считали, что Пятикнижие написано самим Моисеем. Например: «А о мертвых, что они воскреснут разве не читали вы в книге Моисея, как Бог при купине сказал ему: „Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова“?» (Марк. 12:26; ссылка на Исх. 3:6). Подобным образом апостол Петр говорит: «Моисей сказал отцам: „Господь Бог ваш воздвигнет вам из братьев ваших Пророка, как меня, слушайте Его во всем, что Он ни будет говорить вам...“» (Деян. 3:32; ссылка на Втор. 18:15)¹³.

Итак, этого должно быть достаточно для того чтобы убедиться в том, что само Писание в различных местах подтверждает Моисеево авторство. Хороший вывод делает Харрисон:

Нет серьезных причин, чтобы сомневаться в том, что ко времени Ездры Пятикнижие рассматривалось как авторитетное откровение Бога Моисею и как

¹² О многочисленной и многослойной редакции библейского текста говорится в следующих местах книги: с. 21, 36, 53–54, 68, 115, 133, 145, 156, 187, 201, 227, 265, 272, 287, 302, 329, 391, 446.

¹³ Дополнительную аргументацию Моисеева авторства см.: Archer G. *A Survey of Old Testament Introduction*. С. 117–126.

норма для веры и практики. Позже для христианства, ислама и иудаизма стало традиционным рассматривать Моисея как автора всего Пятикнижия¹⁴.

Вопрос об авторстве библейских книг представляется нам важным, так как он влияет на само понимание библейских книг. Подход Брюггемана не имеет твердого основания и основан, по большей части, на предположении.

Следующая проблема «Введения» – это герменевтика многозначности и неуверенности. В начале «Введения» утверждается, что «Библия непрестанно призывает, требует и удивляет новыми возможностями толкования» (16). Также говорится, что «Библия не исчерпывается одним-единственным или даже несколькими толкованиями» (16). Автор вполне допускает наличие внутренних противоречий внутри канонического текста (121). Говоря о пророческих ожиданиях, Брюггеман утверждает наличие в них гибкости и неоднозначности (337). Автор ратует за христианство без абсолютов, догматизма и чрезмерной уверенности (454). Книга завершается утверждением о том, что «нормативный канон остается открытым к совершенно разным интерпретациям» (524), поэтому «окончательная ясность текста постоянно ускользает от нас» (525). Такое отношение к библейскому тексту делает возможными любые толкования и ведет к моральному и доктринальному релятивизму.

Здравый подход к герменевтике допускает лишь одно значение текста и множество применений. В противном случае значение Писания не просто было бы не ясным, но его вообще бы не существовало. Если каждый текст содержит множество значений, то как определить, какое из них верное? Как замечает Генри Верклер: «В таком случае нет причин говорить об ортодоксальном или еретическом толковании отрывка, действительно, такие категории тогда не имеют смысла»¹⁵. Слабость книги Брюггемана в этой сфере очевидна.

Последняя проблема «Введения», заслуживающая внимания, – это принятие историко-критического метода. Мы говорили, что общее знакомство с различными подходами и теориями относительно Ветхого Завета в целом может быть полезно для тех, кто занимается глубокими исследованиями в этой сфере. Однако автор не только знакомит читателя с этими идеями, но и сам явно принимает и одобряет то, что называется «достижениями высшей критики».

Например, Брюггеман принимает документальную теорию Велльхаузена и считает неопровержимым фактом наличие множества источников в Пятикнижии. Говоря о книге Бытие, он пишет: «Как и в других местах Пятикнижия, Быт. 1-11 содержит несколько направлений традиции. По традиционной научной терминологии, эти гипотетические пласты обозначают литерами P (Священнический кодекс) и J (Яхвист)» (36). Более того, в отличие от многих других сторонников высшей критики, автор выражает абсолютную уверенность в истинности этой теории. Он утверждает следующее: «Тот факт, что каноническому тексту предшествовали более ранние материалы и многообразие источников, надежно установлен и не оспаривается» (36). Такие заявления являются сильным преувеличением, так как ни один из источников Пятикнижия не доказан и является в лучшем случае предположением. Можно сказать, что нет практически ни одного постулата этой теории, который воспринимался бы однозначно и не был бы оспорен даже самими документалистами.

Далее, автор поддерживает представление о событиях Ветхого Завета как о мифе. Например, по его словам, «... краткий сюжет в Быт. 6:1-4 почти без обработки воспроизводит древнюю мифологическую традицию» (37). Автор пытается дать более

¹⁴ Harrison. *Introduction to the Old Testament*. С. 497.

¹⁵ Virkler H. *Hermeneutics: principles and processes of Biblical Interpretation*. Grand Rapids: Baker Books, 2000. С. 24.

позитивное определение слову миф, говоря, что это слово вовсе не обязательно значит ложь или вымысел (35). Однако он сам достаточно часто называет библейские события вымыслом. Пустыня, по которой ходил израильский народ, является вымышленным антуражем (70). Иисус Навин и Халев являются вымышленными персонажами (94). Автор 1 и 2 книг Царей основывался на вымышленных и недостоверных источниках (181).

Это лишь некоторые примеры, которые показывают, что на практике понятие о мифе трактуется Брюггеманом как вымысел или «то, чего не было на самом деле». Данные примеры похожи и связаны с теми вопросами, которые мы уже обсуждали выше. Здесь мы упоминаем их для того, чтобы показать приверженность Брюггемана высшей критике. Автор очень часто ссылается на работы таких либеральных ученых, как Герман Гункель (22), Фоксуэл Олбрайт (22), Герхард фон Рад (23), Бревард Чайлдс (512), Мартин Нот (113) и многих других.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОД

Здесь нужно вернуться к вопросу, поставленному в этой работе изначально: нашел ли Брюггеман лучший путь? Как видно, он пытается совместить академический мир высшей критики и церковный мир исповеданий веры. Хотя он претендует на то, что его подход новый и более сбалансированный, в отличие от крайностей высшей критики, но на самом деле очевидно, что метод Брюггемана вовсе не устраняет прошлых проблем высшей критики. По собственному признанию автора, для него «...остается актуальным давно устоявшийся метод историко-критического анализа» (343). Он полностью принимает все предпосылки высшей критики, а потом пытается строить богословие на руинах библейского текста. Несмотря на некоторые положительные стороны книги, проблемы, которые мы рассмотрели, вызывают серьезные опасения.